

— Князь Жун, прошу прощения за вторжение, не буду представляться, вам достаточно лишь знать, что моя фамилия Шан и что я могу сделать для вас одно дело в меру своих возможностей.

Слова Лю Сяожуна, в которых, возможно, таился какой-то особый смысл, были начисто проигнорированы Шан Янь, и садиться для долгой беседы она тоже не собиралась.

На самом деле дистанцию между собой и им она неизменно держала не менее чем в три чжана.

Князь вытащил Священный меч, и Шан Янь, конечно же, знала: этот малый с огромной вероятностью был именно тем человеком, которого разыскивал её отец.

Но что с того?

Отец велел ей лишь остаться и оказать содействие этому человеку, и теперь, пообещав выполнить его просьбу, она тем самым исполняла волю своего отца.

Она полагала, что раз уже назвала свою фамилию, а теперь ещё и лично пообещала помочь ему в одном деле прямо в лицо, собеседник после услышанного наверняка проявит какое-то бурное волнение.

Однако Шан Янь быстро поняла, что сильно переоценила этого князя Жуна.

Тот, похоже, вообще не понял, о чём она говорит.

— Хе-хе... — Малый легко усмехнулся. — Благодарю барышню Шан за доброту, но, как видишь, в деньгах я вовсе не нуждаюсь!

Что?

В деньгах?

Шан Янь сперва остолбенела, а затем посмотрела на Лю Сяожуна так, будто перед ней был круглый идиот. Раз уж он знает её фамилию, неужели её слова прозвучали недостаточно понятно?

Почему первое, о чём думает этот малый, — только деньги? Неужели в её огромном Клане Шан, кроме денег, больше ни на что не способны?

— Тоже верно! — В глазах Шан Янь явственно читалось презрение. — Вы — почтенный князь

Жун, империя каждый месяц выплачивает вам щедрое жалованье, которого за глаза хватит на любые распутства. Ну раз так, то эта скромная девушка не смеет вас утруждать.

С этими словами она решительно развернулась и ушла.

Она уже почти не могла выносить этого типа, который целыми днями только и делает, что ошиивается по борделям да транжирит серебро. Если бы она осталась здесь хоть чуть-чуть дольше, то всерьёз опасалась, что её прямо на месте вывернет наизнанку!

— Скажи, а эта женщина не кажется тебе какой-то странной?

Стоило женскому силуэту раствориться вдаль, как Лю Сяожун повернулся к вновь оказавшемуся рядом Гуй Цзю. — Наверное, ты ещё не знаешь: несколько дней назад в Павильоне Облаков и Вод она явилась ко мне безо всякой причины, чтобы вытащить её меч; а теперь вот так же беспричинно заявила в мою резиденцию и выдала какую-то бессмыслицу о том, что может помочь мне в одном деле. Я понимаю, что ей очень хочется осыпать меня деньгами, но больше всего на свете я терпеть не могу таких вот странных баб, которые возомнили себя богачками и раздают подачки налево и направо. Что скажешь, Гуй Цзю?

— Э-э, ну... Твой слуга и вправду считает, что эта женщина ведёт себя весьма странно!

Гуй Цзю, разумеется, поддержал мнение господина, однако, глядя на Лю Сяожуна, в его глазах всё же промелькнул некий невыразимый, чудной оттенок: — Князь, вы... неужели и вправду не знаете о происхождении этой барышни Шан?

— Я же сказал: мы виделись пару дней назад в Павильоне Облаков и Вод, только вот она там не деньги получала, а сама их тратила — иначе, хе-хе, глядишь, сейчас бы уже и знал. Эй, Гуй Цзю, неужели тебе известно, кто она такая? — Лю Сяожун с крайним удивлением уставился на Гуй Цзю.

— Можно сказать, и так! — честно признался Гуй Цзю. — И она сама, и стоящий за её спиной Клан Шан — люди крайне непростые!

— Насколько же они непростые? — допытывался Лю Сяожун.

— Ну... если выражаться словами князя: в её семье очень-очень много денег, просто колоссальное количество!

— О, так у неё денег куры не клюют! — дошло до Лю Сяожуна, и он протянул: — Я так и знал: едва встретит кого, норовит тут же огреть кругленьким мешочком с монетками, словно боится, что остальные не знают о её богатстве. Только вот сколько денег ни имей, надо ещё суметь дожить до того, как их потратить!

С этими словами он тяжело вздохнул. Гадать не приходилось: последняя фраза относилась исключительно к нему самому.

Соглядатаев, заброшенных в Резиденцию Жун-вана, Гуй Цзю подчистил начисто, да к тому же рядом появился весьма толковый мастер, приставленный охранять его неотлучно. По идее, следовало бы чувствовать себя спокойно, но неведомо почему на душе у него всё равно скребли кошки.

Именно это предчувствие и заставляло Лю Сяожуна проявлять ещё большую осторожность, и, возможно, именно поэтому он только что прикинулся дурачком!

Кто же не слышал о прославленном финансовом клане Шан?

К тому же Лю Сяожун ежедневно пропадал в увеселительных заведениях, где публика собиралась самая разношерстная: там даже секретные сведения о переводе Юэ Фэнью в Западный гарнизон просочились наружу, что уж говорить о Клане Шан?

Но ещё отчетливее он понимал другое: прежний хозяин тела, князь Жун, лишился жизни лишь за то, что по ночам тайком читал имперские летописи. И если сейчас он сам по-настоящему свяжется с Кланом Шан, то сколько бы денег они ему ни отсыпали, спасти его это, пожалуй, не удастся — к тому же он понятия не имел, какова истинная цель визита барышни Шан.

Не зря говорят: в жизни не бывает лишних дорог.

Пережив столько исполненных страха и трепета дней, Лю Сяожун не дожил бы до сегодняшнего вечера, если бы не обладал хотя бы крохами инстинкта самосохранения.

@@@

— Противная мегера! Сколько же жизней подряд я должна была проживать в грехах, раз угораздило встретить это ничтожество из ничтожеств!

Покинув Резиденцию Жун-вана и вернувшись в свой тайный внутренний дворик, Шан Янь была близка к тому, чтобы сойти с ума от ярости.

Причину своего гнева она, впрочем, даже не пыталась толком осмыслить. Просто стоило ей вспомнить князя Жун, как её тут же охватывали бешенство и жгучая злость.

— С меня хватит, я непременно уеду отсюда. Пусть отправят куда угодно, лишь бы подальше отсюда!

В исступлении Шан Янь тут же вытащила чистый лист донесения и застрочила тонкими

пальцами, словно вспорхнувшими птицами. Она собиралась изложить отцу свои соображения — чётко, обстоятельно и с доказательствами, — а затем вновь подать прошение о выезде из города Цзиньян!

Это её решение тут же нашло горячую поддержку у личной служанки Сяо И!

Однако два дня спустя, когда они вскрыли ответное тайное послание, обе остолбенели: внутри него красовался всего один-единственный крупный иероглиф: «Нет»!

В текущей ситуации этот иероглиф нёс в себе множество смыслов.

Например, он мог означать отказ на прошение Шан Янь покинуть город Цзиньян; или же отвергал её выводы относительно князя Жун, и так далее.

Дабы истолковать его как «полное несогласие по всем пунктам», не требовалось даже особого воображения!

Шан Янь окаменела.

В этих нескольких лаконичных штрихах ей чудился разочарованный взгляд отца. На душе скребли кошки: она совершенно не понимала, в чём провинилась, раз отец перечеркнул все её доводы.

В этот момент на подоконник опустился фиолетовый небесный сокол. Служанка Сяо И торопливо подбежала, извлекла из чёрного бамбукового тубуса узкую полоску бумаги, привычно смазала её особой жидкостью, после чего её изящные брови тут же сошлись на переносице.

— Барышня, минувшей ночью на князя Жуна совершили покушение в «Сяндуну четырех времен года», он тяжело ранен!

— Неисправимый подонок, так ему и надо! — такова была первая реакция Шан Янь.

Сяо И робко спросила: — Так, может, навестим...

— И думать забудь! Жив он или помер — какое мне до него дело!

Не успели затихнуть эти слова, как разгневанная Шан Янь решительно поднялась и вылетела вон!